

Приложение 2.

Реале, Джованни. Западная философия от истоков до наших дней : [в 4-х т.] / Д. Реале, Д. Антисери. – Санкт-Петербург : ТОО ТК "Петрополис", 1994. – Т. 1. Античность. – Гл. 7.

Глава седьмая

Аристотель и перипатетики

1. АРИСТОТЕЛЕВСКИЙ ВОПРОС

1.1. Жизнь Аристотеля

Аристотель родился в 384/383 гг. до н. э. в Стагире, на границе с Македонией. Его отец по имени Никомах был врачом на службе у македонского царя Аминта, отца Филиппа. Вместе с семьей молодой Аристотель жил некоторое время вблизи царских чертогов в Пелле, наблюдая придворную жизнь. Восемнадцати лет отроду, став сиротой, в 366/365 г. он прибывает в Афины, чтобы поступить в Платоновскую академию, где он и созрел как самобытный философ, на что понадобилось добрых 20 лет. Он оставался в стенах Академии вплоть до смерти Платона. Определенно, в течение этих лет Аристотель хорошо усвоил платоновские принципы, защищая их и одновременно подвергая критике, пытаясь придать им новое направление. "Земную жизнь пройдя до середины", т. е. в 347 г., в год смерти Платона, наш герой покидает Академию, поскольку Спевсипп придал школе направление, во всем иное, нежели того хотел уже созревший духовный мир Аристотеля. Он оставляет Афины и направляется в Малую Азию.

С этого времени он живет в Ассе с другом по Академии Ксенократом, где они с платониками Эрастом и Кориском основывают свою школу под покровительством Гермия, тирана города Атарнео в Азии. В Ассе он остается почти три года и женится на некоей Пифияде, затем уезжает в Митилену на о.Лесбос (возможно, его склонил к этому Теофраст, родившийся на этом острове; ему было суждено стать последователем Аристотеля). Этот период жизни Аристотеля необычайно важен, ибо им были прочитаны курсы лекций по философии, а в Митилене еще были проведены в творческом союзе с преданным перипатетиком Теофрастом естественнонаучные исследования.

С 343/342 г. начинается новый период жизни Стагирита. Его требует ко двору Филипп Македонский и поручает ему воспитание своего наследника Александра, человека, судьбой уготованного перевернуть новую страницу в истории Греции. Мы не так много знаем об отношениях между этими великими людьми, полководцем и философом, коих фортуне угодно было связать. Известно, что Аристотель разделял идею объединения греческих городов под македонским скипетром, но вряд ли он принимал идею эллинизации варваров и приведения их к единому знаменателю с греками. Политический гений его ученика открыл исторические перспективы, настолько новые и дерзкие, что они и не снились учителю в свете философских и политических категорий, которые по сути своей были достаточно консервативными, и даже временами с оттенком ретроградства. При македонском дворе Стагирит оставался до тех пор, пока Александр не взойшел на трон. т.е. примерно до 336 г. (возможно, также, что он вернулся в Стагиру раньше, в 340 г., т.к. его ученик был слишком уж занят своими приготовлениями к походам).

Наконец, в 335/334 г. Аристотель вернулся в Афины, где снял в наем несколько зданий вблизи храма в честь Аполлона Ликейского, откуда пошло наименование школы - Лицей. А поскольку свои лекции Аристотель читал, прогуливаясь по тропинкам сада, школа стала

называться Peripatos - от греч. - прогулка. В Лицее, противопоставлявшем себя на какое-то время Академии, прошли наиболее плодотворные годы Стагирита, годы завершения и систематизации его философских представлений.

В 323 г. до н.э. умер Александр, это событие вызвало сильную антимакедонскую реакцию в Афинах, что не могло не затронуть и Аристотеля, учителя великого монарха. Формально ему было предъявлено обвинение в "безбожии", поскольку он сочинил гимн в честь Гермия в выражениях, подобающих лишь богам, но не смертным. Философ был вынужден бежать в Халкиду, где у него было поместье, оставив Теофрасту управление Лицеем. После немногих месяцев ссылки он умер в 322 г. до н.э.

1.4. Отношения Аристотеля и Платона

Нельзя понять Аристотеля, не уяснив себе его отношений с учителем. Часто последующие эпохи противопоставляли этих двух мыслителей, делая из них разные символы. Но уже античный автор Диоген Лаэртский хорошо понимал, что: "Аристотель был самым гениальным из всех учеников Платона". Точность этого суждения состоит в том, что ученик великого мастера не тот, кто повторяет его путь, но тот, кто продвигает его учение вперед, и в соответствии с духом теории, преодолевает ее.

Наиболее существенные расхождения меж ними относятся не к сфере философии, а лежат в плоскости других интересов. В своих эзотерических сочинениях Аристотель купирует мистико-религиозно-эсхатологический элемент, так сильно звучащий в трудах учителя. Как мы уже видели, этот элемент платонизма роднит его с орфизмом, где вера превалирует над логосом. Отказавшись от него, Аристотель, вне сомнения, пошел по пути ригоризации философского дискурса.

Вторая черта различия состоит в том, что Платона характеризовали интерес к математическим наукам (в порядке исключения, к медицине) и равнодушие к эмпирическим феноменам как таковым; Аристотель, напротив, имел неутолимый интерес к наукам эмпирическим и совсем скудный - к математике, что и определило его страсть собирательства и классификации феноменов как таковых, чего не было у его учителя. Сократовы ирония и майевтика, основанные исключительно на силе поэтического таланта, придали платоновскому дискурсу открытый характер философствования как вечного поиска вне окончательной позиции. Научный дух и гений Аристотеля, напротив, вели его к органическому синтезу и систематизации, к разведению тем и проблем по их природе, к дифференциации методов, с помощью которых решаются разного рода проблемы. Так что на смену платоновской извивающейся спирали, втягивающей в себя все проблемы, должна была прийти некая стабильная систематизация, где раз навсегда кадр за кадром фиксировалась проблематика философского знания, прокладывались магистрали, по которым впредь будут разрабатываться метафизика, физика, психология, этика, политика, эстетика, логика.

5. ПРАКТИЧЕСКИЕ НАУКИ: ЭТИКА И ПОЛИТИКА

5.1. Высшая цель человека - счастье

После теоретических наук следуют науки практические, - относительно человека и его целей как индивида, и как члена общества. В первом смысле это этика, во втором - политика.

Начнем с этики. Все поступки человека тяготеют к неким целям как к благу. Поступки и цели между собой субординированы и подчинены некой "последней цели", или "последнему благу", относительно которого все согласны, что это - счастье [151].

Так что же такое счастье? 1) Для многих это удовольствие и наслаждение, но жизнь, растроченная для наслаждений, - рабская жизнь, достойная животного. 2) Для других счастье - это почести (для античного человека это значило почти тоже, что для современного - успех). Однако успех, по большей части, есть нечто внешнее, зависящее от тех, кто его присваивает, признает. 3) Для кого-то счастье состоит в умножении богатства, и это одна из наиболее абсурдных целей, - жизнь вопреки природе, ибо богатство - средство для чего-то другого, и как цель смысла не имеет.

Высшее благо и счастье, доступное человеку, - в совершенствовании себя как человека, т.е. в активности, отличающей его от всех прочих существ. Не просто жить, ведь и растения живут; не только чувствовать, ведь и животным открыты чувствования. Активность разума - цель, достойная человека. "Благо человека состоит в активности души, согласной с добродетелью, а коли добродетелей души много, - то в согласии с лучшей и наисовершенной из них. Но, следует добавить, - и в жизни исполненной. Ведь и в самом деле, одна ласточка не делает весны, ни даже дня весны: один день не делает человека блаженным и счастливым".

Мы видим здесь подкрепление сократического и платоновского дискурса. Не только каждый из нас - не просто душа, но ее высшая часть: "рациональная душа, вот доминанта и драгоценнейшая часть, в которой всякий себя находит". Ясно, что человек есть прежде всего интеллект.

Аристотель, впрочем, с чувством реализма оценивает материальные блага, их полезность и необходимость, присутствие которых хотя и не дает само по себе счастья, но отсутствие которых вполне способно его скомпрометировать.

5.2. Этические добродетели как "правильное средоточие", или "середина между крайностями"

Человек - это, главным образом, разум, но не только. В душе "есть нечто, чуждое разуму, что ему противоречит и сопротивляется", но что, тем не менее, в нем участвует. "Вегетативная часть никак не участвует в разуме, в то время как способность желать, аппетиты, так или иначе в нем участвуют, заставляя его слушать себя и подчиняться". В господстве над этой частью души, в умении вписывать вожделения в контуры здравого смысла, и состоит "этическая добродетель", достоинство практического поведения. Этот тип поведения достигается повторением серии выверенных поступков, образующих потом привычку: "...завоюем же добродетель, действуя также, как в прочих искусствах: умения, которые надобно иметь прежде, чем начать делать, мы обретаем, делая, подобно тому, как зодчим становится тот, кто строит, а музыкантом тот, кто без усталости играет". Так добродетели становятся второй оболочкой, или "способом бытия", в котором мы сами создаем себя. Поскольку есть множество природных импульсов, которые разум должен дозировать, контролировать и "темперировать", так есть множество добродетелей, но все они имеют одну существенную характеристику. Импульсы, страсти, чувства всегда тяготеют к излишества, либо много, либо мало, всегда чрезмерны, в этом смысле, они дефектны. Вторжение разума несет с собой "точную меру", средний путь между крайностями, величественный ритм согласия.

Мужество, к примеру, это путь между безрассудством и трусостью, щедрость - точная мера между жадностью и расточительством. Добродетель, стало быть, есть род умеренности, удерживающей нас от, ошибок, к которым влекут страсти, и от проклятий. Путь правды и правоты - средний дуть. И, если ошибаться можно разными способами, то, напротив, действовать по правде можно лишь так, а не иначе.

Ясно, что так понятая умеренность не есть посредственность, а есть высшая ценность, поскольку означает победу разума над инстинктами. В этом триумфе - синтез всей мудрости греческого гения, начиная, как мы видели, с гномических поэтов, афоризмов шести мудрецов, и заканчивая учением Платона о "мере".

5.3. Дианоэтическая добродетель и "совершенное счастье"

Среди всех добродетелей есть одна, в которой спрессованы все прочие, - это справедливость. Она, как звезда, - и в ночи и на восходе - равно восхищает нас. Лишь по справедливости можно дать меру всем благам, достоинствам и их антиподам.

Совершенствование рациональной души - добродетель "дианоэтическая" (греч. "два"+"ноэсис" [235]). Рациональная душа двухаспектна, ибо имеет дело с меняющейся реальностью, с одной стороны, и с неизменными принципами, с другой. Отсюда две дианоэтические добродетели - "phronesis", рассудительность, и "sophid", т.е. мудрость. Рассудительность, или практическая мудрость, заключается в корректном установлении того, что благо, и что зло для человека. Мудрость же как "софия" состоит в познании реальности, которая лежит по ту сторону человека, выше него, и это теоретическая наука, метафизика.

Именно, испытывая себя в этой последней, т.е. совершенствуя себя в созерцательной активности, человек способен достичь высшего счастья и коснуться пальцем божественного. Интеллектуальная активность, поскольку она теоретическая, не преследует никакой другой цели, помимо себя, имея наслаждение собственное, состоящее в интенсификации этой активности, вплоть до самодостаточности. Тщетно советуют нам, говорит Аристотель, поскольку мы смертны, ограничиться тем, что конечно и соразмерно человеку. Напротив, следует измерять себя тем, что бессмертно, делая все доступное, чтобы жить в соответствии с наиболее благородной частью в нас, наименьшей, возможно, по размерам, но наиченнейшей по силе и превосходящей все прочие. Животные непричастны к понятию счастья, ибо они лишены этой способности. Боги в блаженной жизни счастливы постоянно. Лишь человек имеет счастье в той мере, в какой способен достичь подобной активности созерцания. Следовательно, насколько простирается созерцание, настолько простирается и счастье.

5.4. О психологии морального акта

Аристотелю принадлежит та заслуга, что он попытался преодолеть интеллектуализм сократовского типа. Как реалист он хорошо понимал, что одно дело - "познавать благо", и другое дело - "действовать, актуализируя благо", Итак, он попытался обнаружить психические процессы, определяющие это моральное действие.

В центре его внимания - акт выбора, "prohairesis" [245], который тесно связан с актом установления, принятия решения. Когда мы хотим достичь определенных целей, то сначала устанавливаем, какие и сколько средств должны быть приведены в действие для достижения этих целей, как в прошлом, так и в будущем. Выбирая эти средства в отношении будущего, мы приводим их в действие. Стало быть, по Аристотелю, выбор

относится к средствам, а не к целям; значит, последние не суть благие или худые по необходимости. Благими могут быть лишь достигнутые цели, которые являются объектом не выбора, а воления. Но воля всегда желает только блага или, вернее, того, что ей представляется благом. Таким образом, необходимо желать блага истинного, а не кажущегося. В свою очередь, истинное благо признает только добродетельного человека.

Как видим, описан круг. Интересно то, чего Аристотель ищет и пока не находит, это - "свободная воля". Он подтверждает, что "добродетельный человек умеет в чем угодно разглядеть благо и добро, поскольку это правило и мера любой вещи". Однако как и почему некто становится добродетельным, неясно. Возможно, поэтому он приходит к утверждению, что если нечто стало порочным, то уже не может не быть таким, даже если в источнике оно порочным не было. Ясно, что в рамках языческой культуры эта проблема была неразрешимой.

5.5. Город-государство и гражданин

Благо отдельно взятого человека по природе своей то же, что и благо города-государства, только еще более "прекрасно и божественно", ведь из частного оно перерастает в социальное. К последнему греки были особенно чувствительны, ибо понимали индивида в модусе государства, а не государство в модусе индивида. Греческая манера мышления просвечивает и в определении человека как "политического животного". "Тот, кто не может войти и составить часть некоего сообщества, кто не нуждается ни в чем, ни в ком, достаточен самому себе, то, не являясь частью государства, он - либо зверь, либо Бог".

Тем не менее Аристотель не считает "гражданами" всех, кто живет в государстве, и без кого государство не могло бы существовать. Чтобы быть гражданином, необходимо принимать участие в управлении, принятии законов, реализующих справедливость. Поэтому ни житель колонии, ни другого завоеванного города, ни ремесленник, ни даже свободные не могут быть гражданами, если они не имеют необходимого свободного времени, чтобы управлять своим государством. Таким образом, число граждан очень ограничено, прочие же лишь удовлетворяют нужды первых. Аристотель подходит здесь под давлением социально-политических структур к теоретизации рабства. Раб, - это "инструмент, предшествующий и определяющий другие инструменты". "Все люди отличаются от себе подобных также, как душа отличается от тела. Человек - тогда животное, когда лучшее из того, что он имеет - это тело, он принадлежит к рабам по природе, а потому лучшая участь его - находиться в подчинении, быть во власти кого-то". Раб по природе - это тот, кто принадлежит другому всесильному в потенции, а потому участвует в разуме только в мере непосредственной чувственности, в то время как другие не имеют даже этого, подчиняясь страстям. Он принадлежит разуму лишь постольку поскольку этого требует непосредственная чувственность, именно поэтому рабов и животных используют для удовлетворения телесных нужд. Поскольку часто рабами становились пленники в войнах греков против греков, то для Аристотеля было важным подчеркнуть, что имеются в виду именно жертвы войн греков против варваров, ибо последние явно ниже греков по природе. Вот такой расовый предрассудок эллинов был данью Аристотеля своей эпохе, несмотря на то, что он противоречил основным установкам его концепции.

5.6. Государство и его формы

Государство должно иметь различные формы, различные конституции. Конституция - структура, дающая форму, порядок государству. Поскольку власть может исходить: 1) от одного человека, 2) от немногих, 3) от большинства, а также, поскольку тот, кто

управляет, управляет в соответствии: 1) с общим благом, или же 2) собственным интересом, то получаем три правильных формы правления: 1а) монархию, 2а) аристократию, 3а) "политик)" и три неправильные 1б) тиранию, 2б) олигархию, 3б) демократию.

Под "демократией" Аристотель понимает образ правления, который, пренебрегая общим благом, нездоровым образом попускает интересам нищих, не только в материальном, но и в духовном смысле слова, отсюда новый смысл слова демократия - демагогия, он уточняет, что ошибка состоит в том, что если все равны в свободе, не значит, что все равны во всем прочем.

Аристотель утверждает, что, в абстрактном смысле слова, лучше первые две формы правления, но с реалистической точки зрения, принимая людей, какие они есть, полития - лучшая из форм: ибо она воплощает средний путь, путь между олигархией и демократией, т.е. демократии умеренной, где удержаны достоинства олигархии и купированы дефекты демократии.

5.7. Идеальное государство

Поскольку цель государства - достижение нравственности, то, очевидно, что Аристотеля заботит увеличение и укрепление добродетелей. Ценности, справедливость, разумность любого государства имеют столько же силы, сколько ее имеет каждый отдельный гражданин. Так Аристотель подтверждает платоновское соотношение между государством и душой.

Совершенное государство должно соответствовать по человеческой мерке: т.е. быть ни слишком населенным, ни малонаселенным, как, впрочем, и территория: она должна быть достаточно большой, чтобы удовлетворять материальным нуждам, но не настолько, чтобы тяготить своими размерами. Черты гражданского характера предпочтительны греческого типа, включающие, впрочем, лучшие черты северных и восточных народов. Чтобы лучше использовать энергию молодых и мудрость старших, следует первых готовить для защиты государства, вторых - для богослужений, но и те, и другие участвуют в управлении.

Идеал совершенного государства - жизнь в мире и созерцательная активность. Все в жизни разделено на две части, одна, к примеру, тяготеет к заботам и труду, другая - к свободе; одна - к войне, другая - к миру, соответственно действия могут быть либо полезными, либо прекрасными. В выборе целей необходимо предпочитать более высокие цели, опираясь и отталкиваясь от более низких. Имея целью мир, мы готовимся к войне; работая на пределе, не забываем о свободе как о цели; все полезное - для достижения прекрасного. Этим критерием должен руководствоваться законодатель, не путая средства с целями, удерживая правильное соотношение между способностями души и действиями: важно умело работать и искусно вести войну, но еще более важно уметь отдыхать, жить в мире и создавать прекрасное.